

Владимир ЕГОРОВ
Анастасия БЕЛОНОГОВА

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НОВЫЙ ЭТАП

Дата поступления в редакцию: 20.01.2024

Для цитирования: *Егоров В. Г., Белоногова А. А., 2024. Российско-монгольские отношения: новый этап. – Геоэкономика энергетики. № 1 (25). С. 61–79. DOI: 10.48137/26870703_2024_25_1_61*

В статье характеризуется современный этап российско-монгольского сотрудничества, выявлены факторы и условия, определившие новый этап двухстороннего взаимодействия после 2010 г. Развитие сотрудничества обусловлено потребностями регионального взаимодействия и решением задач внутренних социально-экономических процессов России и Монголии. Авторы отмечают, что для Монголии расширение торгово-экономических отношений с Россией имеет значение в нескольких аспектах, включая диверсификацию общественного хозяйства, гарантию от однополярной ориентации внешнеэкономической деятельности и решение внутренних социально-экономических проблем. В статье делается акцент на транзитный потенциал Монголии и ее роль в российско-китайских отношениях.

Авторы отдельно отмечают, что Монголия сталкивается с проблемами экономического развития, включая низкий уровень ВВП и высокую безработицу. В этой связи правительство Монголии осуществляет стратегии и программы, направленные на экономическое развитие, обеспечение занятости населения и сокращение безработицы и бедности.

Активизация отношений двух стран в контексте российских интересов способствует расширению функционального геополитического пространства, преодолевающего конструируемую Западом искусственную изоляцию, увеличивает транзитные возможности нашей страны.

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич, доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова, заведующий кафедрой политологии и политического анализа РГСУ, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана. **E-mail:** Egorov.VG@rea.ru. **SPIN-код:** 9130-3997. **ORCID:** 0000-0002-2473-8590

БЕЛОНОГОВА Анастасия Александровна, научный сотрудник Института стран СНГ.

Ключевые слова: Россия, Монголия, российско-монгольское сотрудничество, транзитный потенциал, торгово-экономические связи, безработица, правительственные программы.

Введение

Проблематика, связанная с российско-монгольскими отношениями, приобретает в актуальной политике и академическом дискурсе нарастающее звучание. После десятилетий упадка интереса к нашему ближайшему азиатскому соседу, некогда определяемому 16-й союзной республикой СССР, монгольское направление внешней политики набирает обороты.

Внешнеполитическая практика, связанная с этим направлением, испытывает дефицит экспертных оценок и научной аналитики, отражающих потенциал сотрудничества и проблем, возникающих на этом пути. Появившиеся в последнее время работы не восполняют в полном объеме имеющуюся потребность в научном осмыслении проблематики, связанной с Монголией [Российско-монгольские отношения, 2021].

Настоящей статьёй авторы преследуют цель внести свой небольшой вклад в восполнение имеющейся лакуны.

С 2010-х гг. наблюдается оживление российско-монгольских отношений. Не последнюю роль в активизации внешнеполитических контактов России и Монголии сыграл возрастающий интерес к монгольскому направлению взаимодействия стран Запада и КНР. Многовекторность международной стратегии руководства Монголии является своеобразной гарантией сохранения суверенитета страны. При этом политический класс страны очевидно осознает приоритетность выстраивания партнерства с Россией, непосредственно соседствующей с Монголией.

Устремление монгольского руководства к налаживанию тесного сотрудничества комплементарно ложится на встречную российскую заинтересованность в его углублении. Российский вектор, направленный в сторону укрепления экономических и социально-политических отношений с южным соседом, особенно окреп в связи с общим обострением международной обстановки и неослабевающими попытками Запада создать вокруг России режим изоляции.

Актуализация российско-монгольского сотрудничества имеет в основании глубокие исторические корни. Достаточно вспомнить о братской поддержке Монголией Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Сразу после начала войны МНР заявила, что будет оказывать СССР всяческую, в том числе военную, помощь. Население Монголии оказывало всестороннюю поддержку: изготавливались теплые вещи, продукты питания, добровольцы сдавали донорскую кровь для раненых [Бойкова, 2021].

В период существования СССР отношения с Монголией можно назвать достаточно тесными. Однако после распада Советского Союза отношения с МНР переживали некий застой, начиная с 1990-х гг. страны придерживаются политики невмешательства во внутренние дела друг друга.

Путь преодоления застоя в двухсторонних отношениях потребовал большой взаимонаправленной предварительной работы. Уже 18 октября 2000 г. в телефонном разговоре В. В. Путина и президента Монголии Н. Багабанди был согласован визит президента РФ в Улан-Батор, который состоялся в ноябре того же года. В ходе встречи главы государств обсудили направления активизаций «торгово-экономических связей, расширения сотрудничества по линии приграничных регионов двух стран, в сфере образования и культуры, практические меры укрепления взаимодействия в военной и военно-технической сферах»¹.

В декларации по итогам визита В. В. Путина были сделаны важные заявления о приверженности договору о дружественных отношениях, заключенному 20 января 1993 г., о неучастии «в каких-либо военно-политических союзах, направленных друг против друга, и намерении углублять всестороннее сотрудничество на основе планов Российско-Монгольской Межправительственной Комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству» [Улан-Баторская декларация, 2000]. Выступая перед депутатами Великого государственного хурала Монголии, президент РФ отметил тесное и продуктивное сотрудничество в различных областях, однако заметил, что его необходимо наращивать, в особенности в области «экономического партнерства, научного, культурного, гуманитарного и военно-технического сотрудничества»².

Расширение экономического сотрудничества потребовало первостепенного решения задачи восстановления логистики и непрерывного транспортного сообщения.

Для подготовки рамочного Соглашения о транзитных перевозках между Российской Федерацией, Китаем и Монголией в середине сентября 2001 г. было организовано международное совещание экспертов в Иркутске [распоряжение Правительства РФ № 746-р, 2001]. В рамках созданной подкомиссии Российско-Монгольской межправительственной комиссии приступили к разработке программы межрегионального и приграничного сотрудничества. Важным шагом в направлении расширения российско-монгольского сотрудничества стало продление соглашения между Монголией и СССР от 5 июня 1991 г. о монголо-советском совместном горно-обогатительном предприятии «Эрдэнэт» [постановление Правительства РФ № 291, 2003].

Поступательному импульсу российско-монгольских отношений способствовало урегулирование «вопроса кредитной задолженности Монголии перед Российской Федерацией» [Совместное российско-монгольское заявление № 46-14-01-2004, 2004].

¹ О визите Президента России В. В. Путина в Монголию // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1639624/>, дата обращения 14.01.2024.

² О визите Президента России В. В. Путина в Монголию // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1639624/>, дата обращения 14.01.2024.

Восстановлению климата доверия в отношении двух стран способствовали встречи В. В. Путина с президентом Монголии Н. Эхбаяром в мае 2005 г. в Астане и июне 2006 г. в Шанхае. На шанхайской встрече президент РФ отметил: «У нас много направлений, которые представляют взаимный интерес, и я очень рассчитываю на то, что и наша сегодняшняя встреча, и предстоящие контакты на министерском уровне дадут хороший толчок в развитии двусторонних отношений»³.

Восстановление двустороннего взаимодействия России и Монголии сопровождалось наращиванием торгово-экономического сотрудничества. Начиная с 2006 г. товарооборот взаимной торговли прирастал ежегодными темпами в 30 % и в 2008 г. впервые в постсоветский период достиг 1,3 млрд долл.

В Программе развития российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества на период до 2010 г. предусматривался дальнейший рост экономического взаимодействия. К 2010 г. доля России во внешне-торговом обороте Монголии достигла 21,3 %, уступая доле Китая – 47 %.

На российские поставки приходилось не менее 90 % всего двустороннего товарного обмена. ОАО «Роснефть» обеспечило 92 % потребностей Монголии в автомобильном бензине. Значительное место в товарных поставках из России составляла электроэнергия. Российское продовольствие обеспечило 47 % общих монгольских закупок. По просьбе Улан-Батора в мае – августе 2008 г. в качестве льготных поставок было направлено из России 100 тыс. т мукомольной пшеницы и муки. Экспортные поставки Монголии в Российскую Федерацию составили 3 % общего объема монгольского экспорта и в основном ограничивались товарами легкой промышленности, плавиковым шпатом (45 %) совместного предприятия «Монголросцветмет». Продукция совместного предприятия КОО «Эрдэнэт» реализовывалась на китайском рынке. Налоговые поступления от этой структуры составляли 52 % государственного бюджета Монголии.

К концу первого десятилетия нынешнего столетия в Монголии работали 425 российских и совместных компаний: 34 – в пищевой промышленности, 55 – в строительстве, 106 – в легкой промышленности, 40 – в энергетике, 21 – в транспорте, 12 – в туризме. Крупнейшие российские корпорации «Базовый элемент», РУСАЛ, «Реново», «Северсталь», РЖД, «Полиметалл», «Газпромбанк» начали проработку потенциальных инвестпроектов и открыли свои представительства⁴.

³ О встрече Президента России В. В. Путина с Президентом Монголии Н. Эхбаяром, Шанхай, 15 июня 2006 года // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1740570>, дата обращения 08.01.2024.

⁴ Торгово-экономические отношения России с Монголией (справочная информация) // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1674006>, дата обращения 11.01.2024.

Устремления российского бизнеса уже на начальном этапе своей активности в Монголии столкнулись с конкуренцией южнокорейского капитала. Так, в ответ на предложение ОАО «РЖД» на участия в развитии монгольской транспортной инфраструктуры корейский бизнес выступил с инициативой создания железной дороги из Монголии в Южную Корею через территорию России и платной скоростной дороги вдоль УВЖД для доставки контейнеров с Дальнего Востока через РФ в Европу⁵.

Успешно развивалось региональное российско-монгольское сотрудничество. К 2010 г. 70 % общего товарооборота двух стран обеспечивал Сибирский федеральный округ России. Принципы территориального взаимодействия органов исполнительной власти местного уровня определялись положениями межправительственного соглашения, подписанного в ходе визита В. В. Путина в Улан-Батор 14 ноября 2000 г. и Московской декларацией, принятой по итогам визита президента Монголии Н. Эхбаяра в РФ в декабре 2000 г. Координировала эту сферу взаимодействия Подкомиссия по региональному и приграничному сотрудничеству, функционирующая при Российско-Монгольской межправительственной комиссии.

В Улан-Баторе были сформированы представительства Бурятии, Иркутской, Новосибирской, Читинской и Кемеровской областей, г. Москвы⁶.

Начиная со второго десятилетия нынешнего столетия российско-монгольские отношения вступили в новую стадию развития. Факторы, определяющие нарастающие темпы сотрудничества двух стран, определялись несколькими обстоятельствами.

Во-первых, с середины 2000-х гг. в Монголии стали разрабатываться крупные месторождения минерального сырья, что в целом значительно оживило ее внешнеэкономическую деятельность [Макаров, Макарова, Бешенцев, 2023].

Во-вторых, отчасти стимулируемые необходимостью освоения природных ресурсов, но в большей степени обусловленные включением Монголии в транзитные перевозки, со второго десятилетия 2000-х гг. стали осуществляться инфраструктурные проекты. В отсутствие железной дороги доставка автотранспортом в Китай коксующегося угля (закрывающего более половины потребности КНР), являющаяся важной статьей валютных поступлений и источником бюджета, испытывала препятствия, связанные с климатическими и эпидемиологическими ограничениями.

⁵ Там же.

⁶ О сотрудничестве субъектов Российской Федерации с Монголией (справочная информация), 2007 // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1678098>, дата обращения 11.01.2024.

Основные товары внешней торговли Монголии в 2017–2021 гг., % стоимости

Годы	2017	2018	2019	2020	2021
Товары					
Экспорт					
Каменный уголь	36,6	40,0	40,4	28,1	30,0
Медный концентрат	26,0	28,7	23,6	23,5	31,4
Золото	9,6	2,1	5,5	23,6	10,9
Железная руда	5,1	4,9	7,6	8,4	10,3
Нефть	6,0	5,6	4,8	2,0	3,0
Импорт					
Машины и оборудование	21,2	21,9	20,2	20,0	18,2
Автотранспорт	14,4	15,3	19,0	16,0	17,9
Нефтепродукты	15,5	15,1	16,3	12,8	14,3
Продукты питания	12,5	11,5	10,5	12,6	14,1
Продукция химической промышленности	7,3	6,3	6,0	7,0	8,6

Источник: [Макаров, Макарова, Бешенцев, 2023]

Транзитный потенциал Монголии

Повышению транзитного потенциала Монголии способствовали трехсторонние контакты с участием России и КНР, направленные на определение первоочередных инфраструктурных объектов и формирование благоприятного инвестиционного климата.

На встрече президента РФ В. В. Путина, председателя КНР Си Цзиньпина и президента Монголии Ц. Элбэгдоржема 11 сентября 2014 г. в Душанбе и 30 октября того же года в Улан-Баторе на уровне заместителей министров иностранных дел был проведен обмен мнениями о «перспективах трехстороннего сотрудничества России, Китая и Монголии в транспортной, горнорудной и энергетической областях»⁷. Весной 2015 г. в Пекине состоялся

⁷ О первых трехсторонних консультациях заместителей министров иностранных дел Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Монголии // <https://www.mid.ru/gu/maps/mn/1659265>, дата обращения 11.01.2024.

второй раунд трехсторонних консультаций заместителей министров иностранных дел, в ходе которого речь шла о формировании дорожной карты полномасштабного и комплексного сотрудничества трех стран. Третий раунд переговоров состоялся в Москве 26 июня 2015 г.⁸. Очередной раунд консультаций заместителей министров иностранных дел в режиме видеоконференции был организован 30 августа 2022 г.

Сопряжение китайского экономического пояса «Шелковый путь» с монгольскими инфраструктурными проектами воплотилось в «Пути развития» («Степной путь»), основной целью которого стало «создание в Монголии современной транспортной и энергетической инфраструктуры» [*Грайворонский*, 2018].

Китай проявляет заинтересованность в продвижении товарных маршрутов через территории России и Монголии — стран с устойчивыми и независимыми политическими режимами, дружественными КНР. При этом учитывается то, что некоторые азиатские страны (Япония, Индия, Шри-Ланка) откровенно негативно относятся к мегапроекту «Один пояс — один путь». Есть страны, испытывающие политическое давление США (Азербайджан, Грузия, Турция) и поэтому несущие риски блокировки товарных потоков. Неблагоприятными с точки зрения товарного трафика являются страны с нестабильным политическим режимом (Пакистан) [*Воронцов*, 2018].

В соответствии с программой создания экономического коридора Россия — Монголия — Китай в 2010-х гг. началась модернизация участков Улан-Баторской железной дороги (УБЖД) как центрального железнодорожного коридора. АО «УБЖД» было создано по соглашению между правительствами СССР и МНР, акции распределены между российским и монгольским партнерами по схеме 50 на 50 %. В конце 2010-х гг. началось строительство двух новых железных дорог от крупнейшего угольного месторождения в Таван-Толгое: Таван-Толгой — Гашуунсухай, которая позволит перевозить уголь от месторождения до пограничного пункта Гашуунсухай на границе с Китаем [*Воронцов*, 2018], и Таван-Толгой — Зуунбаян, которая позволит экспортировать уголь от месторождения по УБЖД как через Транссиб и порты Дальнего Востока России, так и через территорию Китая и порт Тяньцзинь [*Авдаков*, 2018].

В 2021 г. правительство Монголии представило Политику нового возрождения, которая является первым этапом реализации долгосрочной стратегии развития «Видение-2050». Данная инициатива осуществляется по шести ключевым направлениям, одно из которых — развитие пограничных пунктов пропуска, которое предполагает строительство национальной

⁸ О трехсторонних консультациях заместителей министров иностранных дел Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Монголии // <https://www.mid.ru/ru/maps/mp/1505938>, дата обращения 11.01.2024.

железнодорожной сети, увеличение пропускной способности Трансмонгольской железной дороги и т. д. На имплементацию инициативы повлияла пандемия *COVID-19*: увеличилась нагрузка на Трансмонгольскую железную дорогу, резко вырос объем контейнерных грузоперевозок по маршруту Китай – Европа. Приостановка деятельности автомобильных пунктов пропуска на российско-монгольской и монголо-китайской границах привели к кратному снижению объемов экспорта угля из страны.

В 2022 г. были сданы в эксплуатацию три крупных проекта: участки Таван-Толгой – Зуунбаян (414 км), Таван-Толгой – Гашуунсухайт (267 км), Зуунбаян – Ханги (226 км). На участок железной дороги от станции Зуунбаян до пункта пропуска Ханги на границе с Китаем планируется переориентировать поставки железной руды с Трансмонгольской железной дороги. Новый переход Ханги – Мандал обслуживает в том числе и импортные поставки.

В этом же году на западе Монголии была введена в эксплуатацию 745-километровая часть автомобильной дороги АН-4, проходящая по территории Монголии и связывающая российские регионы Западной Сибири с китайским Синьцзян-Уйгурским автономным районом. В этой связи для России монгольское транспортное направление является еще одним каналом, обеспечивающим внешнеэкономическую деятельность [*Намжилова, 2022*].

Отдельным направлением транспортного и энергетического сотрудничества России и Монголии призван стать проект газопровода, проходящего через монгольскую территорию в КНР. В январе 2022 г. были утверждены результаты технико-экономического обоснования проекта строительства и эксплуатации магистрального газопровода «Сила Сибири – 2» через территорию Монголии. В 2022 г. были выполнены соответствующие проектно-изыскательские работы. Реализация этого проекта позволит перенаправить газовый поток 50 млрд куб. м с Запада на рынки стран Ближнего Востока.

Трудовая занятость в Монголии

Важным фактором, способствующим активизации российско-монгольского сотрудничества и монгольской внешнеэкономической деятельности вообще, стал определенно обозначившийся с середины второго десятилетия нынешнего столетия политический курс руководства страны на ускоренное экономическое развитие.

Побудительным мотивом этого курса стал назревающий в стране социальный кризис, усиливающийся внешними обстоятельствами.

В 2000–2019 гг. ежегодный рост валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения в Монголии составил в среднем 5,4 %. С начала 2000-х гг. как общая занятость, так и занятость по найму в стране существенно выросли. Большинство занятых в монгольской экономике (59,3 %) работали

по найму, а остальные являлись либо самозанятыми (39,2 %), либо неоплачиваемыми семейными работниками (1,5 %). Благодаря хозяйственным подвижкам в этот период выросли реально располагаемые доходы населения.

Однако пандемия *COVID-19* имела значительные негативные последствия для экономики и рынка труда Монголии: так, реальный ВВП сократился на 4,4 % в 2020 г., а занятость населения в 2021 г. упала примерно на 5 %. Еще более резкое снижение ВВП и занятости населения были смягчены пакетом мер по восстановлению экономики государства.

Как уже отмечалось, экспортная корзина Монголии в основном состоит из минеральных продуктов, но с середины 2000-х гг. таковая стала менее диверсифицированной. Экспорт увеличивался, но стал больше концентрироваться на меньшем количестве продуктов низкой переработки в секторе природных ресурсов. Так, в 2019 г. минеральное топливо, масла и воски составляли 48 % экспорта Монголии, руды, шлаки и зола — 34 %. В итоге возникшие сложности в экономике государства повлекли напряженность на рынке труда, проявляющуюся в сокращении числа рабочих мест и занятости населения.

Кризисная ситуация, связанная с *COVID-19*, осложнила и без того непростую ситуацию на монгольском рынке труда. Рабочая сила Монголии молода и может активно участвовать в общественном производстве. Однако только 50 % трудоспособного населения (в возрасте 15 лет и старше) было трудоустроено в 2021 г. [*Mongolia Jobs Diagnostic*, 2022].

За период 2000—2019 гг. усилиями правительства Монголии было создано значительное количество рабочих мест, но большинство из них — в относительно низкооплачиваемых секторах экономики (60 % рабочих мест). Рост спроса на рабочую силу в основном определял активно растущий частный сектор ритейла. Доля занятых в этой сфере увеличилась с 37,2 % всей рабочей силы в 2000 году до 52,7 % в 2018 г. Роль государственного сектора в занятости населения существенно снизилась, но осталась значительной в регионах с ограниченными альтернативными видами хозяйственной деятельности. В связи с курсом на интенсификацию экономики в 2019 г. наибольший спрос на рабочую силу предъявляли отрасли строительства и перерабатывающей промышленности. Более 60 % востребованных профессий страны в 2019 г. были профессии, требовавшие среднего профессионального или среднего общего образования [*Mongolia's Economic Prospects*, 2020: 258, 259].

В то же время многие компании сообщали о трудностях, связанных с квалификацией работников. Немало выпускников образовательных организаций Монголии не обладали навыками, необходимыми на рынке труда. Одна из причин отсутствия необходимых компетенций у молодых специалистов заключалась в том, что системы образования и профессиональной подготовки не готовили достаточного количества квалифицированных ра-

ботников для секторов, имеющих ключевое значение для планов развития страны. Однако, несмотря на некоторое несоответствие навыков молодых специалистов требованиям работодателей, через 1 год после окончания учебы около 50 % выпускников колледжей и 2/3 выпускников вузов были трудоустроены.

Рост занятости в доковидный период в основном обеспечивался увеличением рабочих мест в столице. Две трети рабочих мест на предприятиях приходилось на столицу страны Улан-Батор, именно туда направлялись потоки мигрантов в поисках работы. Количество рабочих мест в Улан-Баторе в течение 2010–2021 гг. выросло на 31 %, а количество рабочих мест в других четырех регионах страны оставалось неизменным или уменьшилось. Однако отношение числа занятых к числу всего населения в Улан-Баторе ниже, чем в остальных регионах государства.

Уровень занятости населения в городах Монголии в 2010-х – начале 2020-х гг. был значительно ниже, чем в сельских районах. В 2021 г. только 48 % населения трудоспособного возраста страны в городских районах имели оплачиваемую работу. Несмотря на то что заработная плата в городах выше, чем в сельских районах, 60 % бедных людей в этом государстве в 2018 г. жили в городских районах, прежде всего в Улан-Баторе [*Mongolia Jobs Diagnostic*, 2020: 2, 3, 28, 49, 50, 65].

К 2018 г. 70 % бедных людей Монголии не имели доступа к одной из таких базовых инфраструктурных услуг, как качественная питьевая вода, нормальные санитарные условия проживания или устойчивый источник отопления жилища [*Mongolia Poverty Update 2018, 2020*: 13, 15]. Наличие плохих условий (загрязнение воздуха и грунтовых вод) и/или применение традиционных источников отопления (угольных печей) было в основном обусловлено типом жилья бедного населения, предпочитающего традиционные юрты, и его местоположением (в отдаленных сельских районах или на окраинах городов).

В 2010–2021 гг. уровень безработицы в стране составлял в среднем 8,4 %. Однако официальные цифры безработицы недооценивают серьезность проблемы, связанной с тем, что значительное число монголов не занимаются активным поиском работы в связи с проживанием в отдаленных сельских районах.

Многие компании сообщают о наличии барьеров в бизнесе, которые, по их мнению, ограничивают расширение деятельности. В этой связи в экономике Монголии доминируют малые фирмы. Так, в 2015 г. только в 4 % монгольских компаний работало более 50 сотрудников. К барьерам в бизнес-среде предприниматели относят политическую нестабильность, коррупцию, высокие налоги, недоступность кредита. Более 25 % фирм с иностранным участием заявляют, что налоговые ставки являются самым большим сдерживающим развитие фактором.

Существуют и ограничения со стороны спроса, не обусловленные политикой: естественные условия Монголии, чрезвычайно низкая плотность населения и присутствие в общественном сознании ориентации на сохранение традиционного образа жизни — эти факторы препятствуют извлечению выгоды из эффекта агломераций. Необходимы особые усилия для интеграции регионов и использования потенциала единого крупного городского пространства, завершения процесса формирования национального рынка.

В сельском хозяйстве Монголии в 2018 г. было занято 26,7 % всей рабочей силы, на аграрный сектор приходилось 12,1 % реального ВВП [*Mongolia Jobs Diagnostic*, 2022: 3, 14, 17, 25, 42, 58]. В 2010-х гг. наблюдался значительный рост доходов фермерских хозяйств Монголии (в основном семейных предприятий) благодаря росту цен на скот, а также расширению программ социальной поддержки. Эти факторы в целом способствовали сокращению бедности в сельских районах.

Сектора, создающие более высокооплачиваемые рабочие места, включают горнодобывающую промышленность и строительство. Необходимо отметить, что капитал в значительной степени сосредоточен в горнодобывающем секторе Монголии. Его финансирование в основном осуществляется за счет прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Однако эта отрасль не является основным источником новых рабочих мест в Монголии [*Mongolia Jobs Diagnostic*, 2022: 15, 20, 29]. Так, в 2010–2021 гг. доля рабочей силы, занятой в промышленном производстве, составляла не более 8 %. А доли рабочей силы, занятые в горнодобывающей промышленности и в строительстве страны, составляли соответственно 5 % и менее 8 % всех занятых в 2010–2021 гг.

Прямые иностранные инвестиции в Монголию в основном сосредоточены в городских районах, особенно в столице страны Улан-Баторе и ее окрестностях [*Determinants of Foreign Direct...*, 2015: 145]. Более 90 % от общего объема реализованных ПИИ приходится на Улан-Батор. Иностранные фирмы не стремятся размещать ПИИ в сельских и отдаленных районах вследствие традиционного образа жизни их населения и низкого качества физической инфраструктуры.

В 2010 г. только 0,5 % всех трудоспособных граждан Монголии попытались выехать за границу в поисках работы, но к 2019 г. этот показатель составил уже 31,5 %. Меньше всего выезжающих граждан Монголии стремятся найти работу в Европе [*Baseline Study on Supply and Demand...*, 2021: 48], предпочитая трудоустройство в других странах мира, включая страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Причем монголы с высшим образованием все чаще устраиваются в Южной Корее на низкоквалифицированные должности, поскольку предлагаемая там заработная плата значительно превышает заработную плату в Монголии даже на статусных постах [*Mongolia Jobs Diagnostic*, 2022: 55].

Сокращается участие женщин в общественном хозяйстве Монголии: так, в 2021 г. 61,4 % женщин трудились на предприятиях сельской местности, а в 2010 г. — почти 70 %. Уровень безработицы особенно высок среди менее образованных женщин, т. е. имеющих лишь неполное среднее образование. Показатель занятости женщин с высшим образованием несколько выше [*Mongolia Jobs Diagnostic*, 2022: 25].

Женщины проводят больше времени на неоплачиваемой семейной работе, чем мужчины, так как ухаживают за детьми и пожилыми членами семей. Важно отметить, что в государстве не хватает дошкольных учреждений и учреждений по уходу за престарелыми людьми, поэтому отсутствие такого рода социальных услуг компенсируется трудом домохозяек.

Кроме того, молодым женщинам труднее устроиться на работу: им требуется больше времени для поиска работы из-за ограниченного выбора подходящих должностей и жесткой конкуренции с мужчинами [*Mongolia's Economic Prospects*, 2020: 253–255]. В результате доля женщин на рынке труда Монголии в 2010-х гг. была в среднем на 15 % меньше, чем доля мужчин [*Baseline Study on Supply and Demand...*, 2021: 3].

Во втором десятилетии века увеличился разрыв в оплате труда между мужчинами и женщинами, занятыми в экономике страны. С разбивкой по профессиям женщины преобладают среди учителей, в то время как мужчины доминируют среди инженеров, архитекторов и в других высококвалифицированных профессиях [*Mongolia Jobs Diagnostic*, 2022: 49]. Непропорционально большое число женщин работают в государственном управлении, образовании и здравоохранении с низким уровнем оплаты труда.

Монголия ратифицировала конвенцию Международной организации труда о дискриминации в области труда и занятий [Конвенция... № 111, 1958]. Правительство страны внесло поправки в закон о труде, принятый в 1999 г., который не позволяет женщинам заниматься некоторыми профессиями. Поправки включили концепцию «труда равной ценности» и принятие более широкого определения «вознаграждения» для улучшения положения работниц [*Mongolia's Economic Prospects*, 2020: 257]. Несмотря на эти меры, статистика по заработной плате и занятости женщин показывает, что между законодательством и реальным рынком труда сохраняются значительные расхождения.

В Монголии доля занятости в неформальном секторе в масштабах всей экономики в 2021 г. составила 41,2 %. Неформальная занятость в значительной степени сосредоточена в сельской местности (более 50 %). Многие из трудящихся в неформальной сфере работают в собственных домашних хозяйствах (самозанятые). Помимо сельского хозяйства, неформальная занятость сосредоточена в торговле (26 %), строительстве (20 %), обрабатывающей промышленности и транспорте (в обеих отраслях — примерно по 15 %) [*Mongolia Jobs Diagnostic*, 2022: 32].

Ожидается, что в 2020-х гг. неформальная занятость в Монголии вырастет в строительстве, включая жилищное строительство, в гостиничном секторе, общественном питании и продолжит сокращаться в оптовой и розничной торговле, на транспорте и в складском секторе. Ежегодно в среднем 7200 человек становятся неформальными работниками в несельскохозяйственных секторах экономики [*Baseline Study on Supply and Demand...*, 2021: 74].

Правительство Монголии в 2010–2020-х гг. осуществляло ряд краткосрочных, средне- и долгосрочных стратегий и программ, направленных на экономическое развитие в целом, обеспечение занятости населения и сокращение безработицы и бедности. Генеральный план развития Монголии включает в себя долгосрочную политику развития, такую как «Видение-2050» и Государственная политика в области развития народонаселения. Генеральный план развития Монголии содержит среднесрочную и краткосрочную перспективы: Комплексный план на сумму 10 трлн долл. по охране здоровья и возрождению экономики, План действий правительства Монголии на 2020–2024 гг., Национальную программу обеспечения гендерного равенства, Национальную программу развития молодежи и др.

Долгосрочные стратегии и программы, реализуемые в Монголии, включают положения, направленные на ускорение экономического развития за счет создания крупных предприятий при одновременном росте числа малых и средних форм и расширения самозанятости. Среднесрочная и краткосрочная политика страны нацелена исключительно на урегулирование чрезвычайной ситуации в связи с пандемией *COVID-19*. Существуют активные стратегии и программы, ориентированные на целевые группы [*Baseline Study on Supply and Demand...*, 2021: 60–61].

Вместе с тем реализация намеченных стратегических планов экономического развития Монголии в большинстве сталкивается с огромными трудностями. Например, Национальная программа содействия занятости на 2016–2025 гг., реализуемая в 2 этапа (2016–2020 и 2021–2025 гг.), на момент экспертного исследования 2023 г. не была выполнена ни по одному из индикаторов (включая уровень безработицы и число занятых). Цели Национальной программы по сокращению безработицы и бедности на 2019–2024 гг., реализуемой также в 2 этапа (2019–2021 и 2021–2024 гг.), не были достигнуты.

В Программе содействия трудоустройству молодежи (реализуемой ежегодно) был выполнен только индикатор, согласно которому, «не менее 40 % молодежи, участвующей в стажировках и получившей поддержку, нашли работу» [*Baseline Study on Supply and Demand...*, 2021: 63, 79]. В то же время оказалось, что работодатели редко организуют мероприятия по обучению и повышению квалификации сотрудников.

Согласно долгосрочной политике развития «Видение-2050», ожидается, что к 2030 г. количество рабочих мест увеличится в 1,6 раза по сравнению с текущим моментом.

Развитие российско-монгольских отношений значительно расширяет возможности решения задач внутреннего развития Монголии.

Выводы

Таким образом, развитие российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества имеет большой потенциал, как обусловленный потребностями регионального взаимодействия (охватывающего круг интересов Китая), так и прямо сопрягающийся с решением задач внутреннего социально-экономического процесса России и Монголии.

Активизация отношений двух стран в контексте российских интересов способствует расширению функционального геополитического пространства, преодолевающего конструируемую Западом искусственную изоляцию, увеличивает транзитные возможности нашей страны.

Для Монголии расширение торгово-экономических отношений с Россией имеет значение в нескольких аспектах. *Во-первых*, способствует диверсификации общественного хозяйства; *во-вторых*, служит гарантией от однополярной ориентации внешнеэкономической деятельности; *в-третьих*, способствует решению внутренних социально-экономических проблем.

Расширению двухстороннего диалога благоприятствует исторически сложившееся в общественном сознании комплементарное представление о российско-монгольской дружбе и сотрудничестве.

Список литературы

Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2001 г. № 746-р «О проведении в г. Иркутске третьего Международного совещания экспертов по выработке рамочного соглашения о транзитных перевозках между Российской Федерацией, КНР и Монголией 11–15 сентября 2001 года» // <https://docs.cntd.ru/document/901788457>, дата обращения 11.01.2024.

Постановление Правительства РФ от 19 мая 2003 г. № 291 «О продлении срока действия соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Монгольской Народной Республики о деятельности советско-монгольского совместного горно-обогатительного предприятия «Эрдэнэт», 2003 // <https://rulings.ru/government/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-ot-19.05.2003-N-291/>, дата обращения 11.01.2024.

Совместное российско-монгольское заявление № 46-14-01-2004, 2004 // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1692376>, дата обращения 17.01.2024.

Улан-Баторская декларация, 2000 // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1709886>, дата обращения 11.01.2024.

Конвенция о дискриминации в области труда и занятий (Конвенция № 111) от 25 июня 1958 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/labour.shtml, дата обращения 11.01.2024.

Российско-монгольские отношения: от истоков до современности: Международная научная конференция «Российско-монгольские отношения: от истоков до современности», посвящённая 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией / С. Г. Лузянин, В. В. Штоль, О. В. Лушников и др. // *Обозреватель*. 2021. № 4 (375). С. 4–74. DOI 10.48137/2074-2975-2021-4-4.

Авдаков И. Ю., 2018. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» и транзитно-промышленный коридор Россия – Китай – Монголия // *Восточная аналитика*. № 4. С. 7–10.

Воронцов А. В., 2018. Реалистичность – главный критерий реализации актуальных задач на пути глобальных проектов сотрудничества в формате Китай – Россия – Монголия // *Восточная аналитика*. № 3. С. 29–35.

Грайворонский В. В., 2018. Китайский мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути»: место и роль Монголии // *Восточная аналитика*. № 3. С. 49–59.

Макаров А. В., Макарова Е. В., Бешенцев А. Н., 2023. Монголия: внешняя торговля и развитие инфраструктуры // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 67. № 9. С. 69. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-9-68-78.

Бойкова Е., 2021. Рука об руку. Советско-монгольское сотрудничество в годы Второй мировой войны // <https://historyrussia.org/sobytiya/ruka-ob-ruku-sovetsko-mongolskoe-sotrudnichestvo-v-gody-vtojoj-mirovoj-vojny.html>, дата обращения 11.01.2024.

Намжилова В. О., 2022. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: инфраструктурный фокус // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskij-koridor-kitay-mongoliya-rossiya-infrastrukturnyy-fokus/>, дата обращения 11.01.2024.

Davaakhuu O., Sharma K., Bandara Ya. M. W. Y., 2015. Determinants of Foreign Direct Investment During Economic Transition in Mongolia // *Australasian Journal of Regional Studies*. Vol. 21. No. 1. Pp. 138–158.

Baseline Study on Supply and Demand for Self- and Wage-employment For Current and Future Work. Report, 2021 // <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/mn/BASELINE-STUDY-ON-SUPPLY-AND-DEMAND-ENG-12-16.pdf>, дата обращения 12.01.2024.

Mongolia Jobs Diagnostic: More Vibrant and Inclusive Labor Markets for Economic Recovery and Diversification. Synthesis Report, 2022 // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099030001132333606/pdf/P17445302d04700790adb8066bc652052a1.pdf>, дата обращения 11.01.2024.

Mongolia Poverty Update 2018. Main Report of «Household Socio-Economic Survey 2018» // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/532121589213323583/pdf/Mongolia-Poverty-Update-2018.pdf>, дата обращения 11.01.2024.

Mongolia's Economic Prospects. Resource-Rich and Landlocked between Two Giants. Asian Development Bank, 2020 // <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/611416/mongolia-economic-prospects.pdf>, дата обращения 12.01.2024.

О визите Президента России В. В. Путина в Монголию // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1639624/>, дата обращения 14.01.2024.

О встрече Президента России В. В. Путина с Президентом Монголии Н. Энхбаяром, Шанхай, 15 июня 2006 года // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1740570>, дата обращения 08.01.2024.

О первых трехсторонних консультациях заместителей министров иностранных дел Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Монголии // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1659265>, дата обращения 11.01.2024.

О сотрудничестве субъектов Российской Федерации с Монголией (справочная информация), 2007 // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1678098>, дата обращения 11.01.2024.

О трехсторонних консультациях заместителей министров иностранных дел Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Монголии // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1505938>, дата обращения 11.01.2024.

Торгово-экономические отношения России с Монголией (справочная информация) // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1674006>, дата обращения 11.01.2024.

EGOROV Vladimir G., Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Professor of Plekhanov Russian State University of Economics, Head of the Department of Political Science and Political Analysis at RGSU, Professor of Bauman Moscow State Technical University.

E-mail: Egorov.VG@rea.ru

SPIN code: 9130-3997

ORCID: 0000-0002-2473-8590

BELONOGOVA Anastasia A., Research Fellow, Institute of CIS

RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS: A NEW STAGE

DOI: 10.48137/26870703_2024_25_1_61

Received: 20.01.2024.

For citation: *Egorov V. G., Belonogova A. A.*, 2024. Russian-Mongolian Relations: A New Stage. – *Geoeconomics of Energetics*. № 1 (25). P. 61–79. DOI: 10.48137/26870703_2024_25_1_61

Keywords: Russia, Mongolia, Russian-Mongolian cooperation, transit potential, trade and economic relations, unemployment, government programs.

Abstract

The article characterizes the current stage of Russian-Mongolian cooperation, reveals the factors and conditions that determined the new stage of bilateral interaction after 2010. The development of cooperation is conditioned by the needs of regional interaction and the need to solve the problems of internal socio-economic process of Russia and Mongolia. The authors note that the expansion of trade and economic relations with Russia is important for Mongolia for several reasons, including diversification of the public economy, prevention of unipolar orientation of foreign economic activity and the need to solve internal socio-economic problems. The article emphasizes Mongolia's transit potential and its role in Russia-China relations.

The authors separately note that Mongolia faces economic development challenges, including low GDP and high unemployment. In this regard, the Mongolian government is implementing policies and programs aimed at economic development, employment and reducing unemployment and poverty.

The intensification of relations between the two countries in the context of Russian interests contributes to the expansion of functional geopolitical space, helps to overcome the artificial isolation constructed by the West, as well as increases the transit opportunities for Russia.

References

Decree of the Government of the Russian Federation No. 746-r dated May 29, 2001 «On holding the Third International Meeting of Experts in Irkutsk to develop a framework agreement on transit transport between the Russian Federation, China and Mongolia on September 11–15, 2001» // <https://docs.cntd.ru/document/901788457>, accessed 11.01.2024. (In Russ.)

Resolution of the Government of the Russian Federation dated May 19, 2003 No. 291 «On Extending the validity of the Agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the Government of the Mongolian People's Republic on the activities of the Soviet-Mongolian joint Mining and Processing Enterprise «Erdenet», 2003 // <https://rulaws.ru/government/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-ot-19.05.2003-N-291/>, accessed 11.01.2024. (In Russ.)

Joint Russian-Mongolian Statement No. 46-14-01-2004, 2004 // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1692376>, accessed 17.01.2024. (In Russ.)

Ulaanbaatar Declaration, 2000 // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1709886>, accessed 11.01.2024. (In Russ.)

Convention on Discrimination in Employment and Occupation (Convention No. 111) of June 25, 1958 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/labour.shtml, accessed 11.01.2024. (In Russ.)

Russian-Mongolian relations: from the origins to the present. International Scientific Conference «Russian-Mongolian relations: from the origins to the present», dedicated to the 100th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and Mongolia / S. G. Luzyanin, V. V. Stoll, O. V. Lushnikov et al. // *Observer*. 2021. No. 4 (375). Pp. 4–74. DOI 10.48137/2074-2975-2021-4-4. (In Russ.)

Avdakov I. Yu., 2018. The Silk Road Economic Belt Project and the Russia – China – Mongolia Transport and Industrial Corridor // *Oriental Analytics*. No. 4. Pp. 7–10. (In Russ.)

Vorontsov A. V., 2018. Realism is the main criterion for the implementation of urgent tasks on the path of global cooperation projects in the China – Russia – Mongolia format // *Oriental Analytics*. No. 3. Pp. 29–35. (In Russ.)

Grayvoronsky V. V., 2018. Chinese mega-project Silk Road Economic Belt: the place and role of Mongolia // *Oriental Analytics*. No. 3. Pp. 49–59. (In Russ.)

Makarov A. V., Makarova E. V., Beshentsev A. N., 2023. Mongolia: Foreign trade and infrastructure development // *World Economy and International Relations*. Vol. 67. No. 9. P. 69. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-9-68-78. (In Russ.)

Boikova E., 2021. Hand in hand. Soviet-Mongolian cooperation during the Second World War // <https://historyrussia.org/sobytiya/ruka-ob-ruku-sovetsko-mongolskoe-sotrudnichestvo-v-gody-vtoroj-mirovoj-vojni.html>, accessed 11.01.2024. (In Russ.)

Namzhilova V. O., 2022. China – Mongolia – Russia Economic Corridor: infrastructure focus // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/>

ekonomicheskii-koridor-kitay-mongoliya-rossiya-infrastrukturnyy-fokus/, accessed 11.01.2024. (In Russ.)

Davaakhuu O., Sharma K., Bandara Ya. M. W. Y., 2015. Determinants of Foreign Direct Investment During Economic Transition in Mongolia // *Australasian Journal of Regional Studies*. Vol. 21, No. 1. Pp. 138–158. (In Eng.)

Baseline Study on Supply and Demand for Self- and Wage-employment For Current and Future Work. Report, 2021 // <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/mn/BASELINE-STUDY-ON-SUPPLY-AND-DEMAND-ENG-12-16.pdf>, accessed 12.01.2024. (In Eng.)

Mongolia Jobs Diagnostic: More Vibrant and Inclusive Labor Markets for Economic Recovery and Diversification. Synthesis Report, 2022 // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099030001132333606/pdf/P17445302d04700790adb8066bc652052a1.pdf>, accessed 11.01.2024. (In Eng.)

Mongolia Poverty Update 2018. Main Report of «Household Socio-Economic Survey 2018» // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/532121589213323583/pdf/Mongolia-Poverty-Update-2018.pdf>, accessed 11.01.2024. (In Eng.)

Mongolia's Economic Prospects. Resource-Rich and Landlocked between Two Giants. Asian Development Bank, 2020 // <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/611416/mongolia-economic-prospects.pdf>, accessed 12.01.2024. (In Eng.)

About the visit Of Russian President Vladimir Putin To Mongolia // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1639624/>, accessed 14.01.2024. (In Russ.)

About the meeting of Russian President Vladimir Putin with Mongolian President N. Enkhbayar, Shanghai, June 15, 2006 // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1740570>, accessed 08.01.2024. (In Russ.)

On the first trilateral consultations of the Deputy Ministers of Foreign Affairs of the Russian Federation, the People's Republic of China and Mongolia // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1659265>, accessed 11.01.2024. (In Russ.)

On cooperation of the subjects of the Russian Federation with Mongolia (background information), 2007 // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1678098>, accessed 11.01.2024 (In Russ.)

On the trilateral consultations of the Deputy Ministers of Foreign Affairs of the Russian Federation, the People's Republic of China and Mongolia // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1505938>, accessed 11.01.2024. (In Russ.)

Trade and economic relations between Russia and Mongolia (background information) // <https://www.mid.ru/ru/maps/mn/1674006>, accessed 11.01.2024. (In Russ.)